

Запах антоновских яблок

Автор:

Мария Метлицкая

Запах антоновских яблок

Мария Метлицкая

«Нина Ивановна Горохова на судьбу не роптала и несчастной себя не считала – не тот характер. Да и к тому же всю жизнь ей внушали, что судьба ей ничего не должна. Ко всему, что случилось в ее жизни, Нина Ивановна относилась с глубоким пониманием и почти равнодушием – ну значит, так! Характер у нее был спокойный, рассудительный, стойкий. В истерики не впадала и подарков от судьбы не ждала. Нормальная русская женщина...»

Мария Метлицкая

Запах антоновских яблок

Нина Ивановна Горохова на судьбу не роптала и несчастной себя не считала – не тот характер. Да и к тому же всю жизнь ей внушали, что судьба ей ничего не должна.

Ко всему, что случилось в ее жизни, Нина Ивановна относилась с глубоким пониманием и почти равнодушием – ну значит, так!

Характер у нее был спокойный, рассудительный, стойкий. В истерики не впадала и подарков от судьбы не ждала.

Нормальная русская женщина.

Родители, активные строители коммунизма и светлого будущего, шли по жизни с энтузиазмом – иногда, казалось, с чрезмерным.

Сложности быта переживались просто и с юмором. Родители работали на заводе, вставали рано и были всему снова рады – даже хмурому дождливому утру.

Отец напевал что-то бодрое, громко фыр-кая над раковиной, мама на полную громкость включала радио и жарила большую яичницу.

Вылезать из теплой постели не хотелось, но было стыдно – она, видите ли, нежится, а родители давно бодрячком.

Когда Нина приходила из школы, на плите всегда стояли щи и котлеты с макаронами. Ну или с гречкой. На балконе остужалась банка бледно-розового киселя.

Мама говорила, что компот – баловство. А кисель – это еда. Особенно с хлебом. Еще мама говорила: «Едим без деликатесов, зато голодных у нас не бывает».

На лето Нину отправляли в деревню к бабушке. Она ходила за коровой, выпасала гусей и кормила кроликов. В августе ходили по грибы и за горохом на колхозное поле.

Горох хотя и был колхозным, государственным, собирали его все, вся деревня. И стыдно никому не было. Гороха-то море! И нам хватит, и государству останется!

Его сушили на зиму – для супа и каши, а бабушка еще варила и гороховый кисель. Ничего, кстати, вкусного! Грибы солили, из кроликов и гусей делали тушенку.

В конце августа приезжали отец с матерью, неделю «балдели», а потом сосед Петька, водитель грузовика, за трешку отвозил их на станцию. Половина кузова была заставлена банками и мешками.

Нине было неловко, когда все эти несметные баулы загружались в поезд. Но родители были счастливы.

– Теперь продержимся! – счастливо улыбался отец, поглаживая крупной рабочей ладонью мешки с картошкой и яблоками.

Нина, краснея, отворачивалась к окну.

В восьмом классе к ним пришла новенькая. Звали девочку Ингой.

Кроме необычного и красивого имени, у Инги были распущенные светлые волосы, перехваченные эластичной фиолетовой лентой, лаковые туфельки с пряжкой. И еще – полное презрение к одноклассникам мужского пола.

Посадили новенькую с Ниной. Та была счастлива, но тщательно это скрывала. На большой перемене все сорвались в столовую.

Все, кроме Инги. Из класса выходить она, похоже, не собиралась. Инга вытащила из портфеля румяное яблоко и зашелестела фольгой от шоколадки.

– А обедать, – робея, спросила Нина, – ты не пойдешь?

Инга с удивлением глянула на нее и брезгливо скривила губы.

– Щи хлебать? – с презрением уточнила она. – И перловую кашу?

Нине очень хотелось и щей, и каши, но она растерялась и тоже в буфет не пошла.

Достала учебник по физике и стала его листать.

Инга отломил кусок шоколадки, протянула соседке и достала из портфеля журнал мод с яркими картинками.

После школы Нина пошла провожать новенькую.

Инга рассказывала, что новую квартиру она не полюбила – далеко от центра, от потолка пахнет побелкой, да и вообще – это что, потолки?

- Что - «потолки»? - не поняла Нина. - В каком это смысле?

- Низкие, - вздохнула Инга. - Вот в Ленинграде у нас были, - она взмахнула рукой, - метров пять, не меньше! И все с лепниной! Дом графини Незнамовой, слышала?

Нина не слышала ни про дом, ни про графиню, ни про потолки в пять метров, да еще и с лепниной.

Инга рассказывала, что отца перевели в столицу, никто этому не рад, потому, что «Москва - не Питер, понятно? Деревня!»

Нина кивнула, ничего не поняв. Но спорить ей не хотелось.

- Зайдем ко мне? - предложила Инга, и Нина с трепетом и радостью согласилась.

В полутемном коридоре пахло кофе и горьковатыми духами.

Из комнаты доносился чей-то приглушенный и низкий смех.

- Тома на телефоне, - бросила Инга и пошла в свою комнату.

Нина поспешила за ней.

В Ингиной комнате не было ни красного ковра на стене, ни кровати с панцирной сеткой и металлическими шариками, ни розового тюля на окне, ни грустной грузинской «отчеканенной» девушки, которая висела почти в каждом доме.

Низкий диван с подушками, синие плотные гардины, создающие уют и полумрак, торшер на деревянной ноге с голубым абажуром и картины на стене - малопонятные, как будто смазанные, совсем неяркие, но почему-то волнующие.

- Датошка, - кивнула на картины хозяйка. - Томин поклонник.

- Томин? - переспросила Нина.

Инга кивнула:

– Томин, мамулькин в смысле. Известный грузинский художник и давний ее обожатель.

От этих слов Нине стало жарко и душно: «мамулька» – это Тома? Поклонник Дато? И все это говорится так обыденно, словно замужней женщине иметь поклонника – совсем обычная история.

Инга поставила пластинку. Музыка Нине была не знакома, но так обворожительна, так прекрасна, что ей снова стало жарко и душно.

– Поль Мория, – объяснила Инга. – Красиво, правда? Только немного грустно.

Дверь в комнату открылась, и на пороге возникла высокая худая женщина с ярко-рыжими, почти красными, явно крашеными волосами, в черном шелковом халате, перетянутым поясом на узкой девичей талии.

– Ингуша! – с укором сказала она. – У тебя гости, а тебе хоть бы хны!

Инга скривила гримасу и фыркнула.

– Девочки! На кухню! Маша постаралась – там столько вкусного!

Инга тяжело вздохнула и кивнула Нине:

– Пошли, делать нечего! Все равно не отстанут!

Кухня тоже отличалась от кухни в Нининой квартире, как земля отличается от неба, а лето от зимы.

Вместо белой пластиковой мебели, кухонного гарнитура, за которым полгода охотилась Нинина мама, на этой кухне стоял огромный темный буфет с резными утками и зайцами. Посредине кухни царствовали большой овальный стол со скатертью и массивные, тяжелые стулья с зеленой бархатной обивкой. Совсем не кухонные стулья.

На столе стояли вазочки с печеньем, булочками и виноградом. И огромная ваза конфет, разумеется, шоколадных.

Томуля достала из буфета тонкие чашки – белые, с тонкой серебряной каймой – и налила из заварного чайника крепкой заварки.

– Мне чай, – пояснила она. – Кофе на сегодня определенно достаточно. А ты, Инга? Кофе? И вы, Ниночка, тоже?

Нина кофе никогда не пила. Нет, пила, конечно, – растворимый из банки и столовский из титана, и еще – желудевый у бабушки.

Но вот такой, черный, ароматный, только что сваренный в медной и, видимо, очень старой турке, – точно впервые.

Пах он замечательно, но на вкус оказался терпким и горьким.

Нина видела, что Инга в чашку сахар не положила, и тоже решила пить несладкий.

Правда, было очень невкусно.

Инга и ее мать разговаривали как подруги – подтрунивали друг над другом, хихикали, обсуждали наряды и знакомых.

Потом зазвонил телефон, и Тома поспешно ушла.

– А где твоя мама работает? – спросила Нина.

– Тома? Работает! Да Тома дня в своей жизни не отработала! Скажешь тоже! – фыркнула она и засмеялась. – Ну ты даешь! – усмехнулась она. – Такие женщины, как Тома, никогда не работают! Такие женщины удачно выходят замуж – за дипломатов, военных, дирижеров и режиссеров!

Нина смутилась и покраснела, поняв, что ляпнула явную глупость.

Из дальней комнаты снова раздавался низкий Томин смех, и запахло сигаретным дымом.

После черного кофе Нину стало подташнивать и захотелось домой.

Инга ее не задерживала.

Уже в коридоре она мельком увидела комнату, где ворковала Ингина мать, – дверь была полуоткрыта.

Тома полулежала на узком диванчике-загогулине с высокой крученой спинкой, закидывая голову, выпускала тонкой струйкой дым, с интересом разглядывала, словно видела впервые, браслет на узкой руке и медленно кивала, словно одобряя кого-то или что-то.

В этой комнате тоже царил полумрак – бордовые шторы были задернуты, и горела только настольная лампа, стоящая на черном рояле.

– Тома у нас крот! – улыбнулась Инга. – Не любит наблюдать жизнь при естественном освещении. И себе больше нравится – что самое главное!

Нина не очень поняла смысл сказанного, но кивнула и заторопилась домой.

Ее собственная квартира показалась Нине такой убогой, такой тесной и такой деревенской, что она села на табуретку и расплакалась. А вот кислых щей поела с удовольствием, и тошнота моментально прошла.

Их дружба с Ингой, растянувшаяся на всю долгую жизнь, казалась странной не только Нининым родителям, рыжей Томе, школьным учителям, одноклассникам, а в дальнейшем и Нининому мужу Володе, но и самой Нине.

Красавица Инга, с томной Томулей и папашей – начальником какого-то главка (Инга и сама не знала, какого именно), с прислугой Машей, с самой модной портнихой столицы, обшивающей капризных дамочек, и с личным водителем отца Севой, возившем девчонок по вечерам в театры, была, казалось, небожительницей.

Инга презирала всё и вся, включая собственную семью. Но простая, как медный пятак, Нина, с ее убогой жизнью и деревенскими родственниками, неожиданно стала для нее самым близким человеком.

Капризная, насмешливая, избалованная Инга, казалось, нуждается в Нине куда больше, чем Нина в ней.

Мать Нины дружбу эту не приняла.

«Что тебе с ней? – недовольно спрашивала она. – Вы с ней разного поля, это ж понятно!»

Но с годами все смирились и привыкли.

Обе девочки были закрытыми и сторонились людей.

Инга прикрывалась цинизмом и иронией, а простая Нина была стеснительной и малообщительной от природы. Только оставаясь вдвоем, они, правда не сразу, начали открывать друг другу душу, делиться сокровенным и тайным. Делилась в основном Инга – Нина тайн так и не завела.

Только Нина знала о страстном романе подруги – с женатым и взрослым мужчиной. И Нина отвозила ее в больницу на аборт, Нина, а не виновник неприятности. Она же ее из больницы и забирала.

Она же откачивала бедную Ингу, когда та решила напиться снотворного, чтобы навсегда покончить с несчастной любовью.

Она же уговаривала ее на все наплевать, увлечься кем-то другим и перестать считать себя женщиной роковой.

Но Инге роль женщины-вамп явно пришлась по душе. Она любила порассуждать о любви, об отношениях между мужчиной и женщиной, о вечном непонимании между полами, о том, что мужчина никогда не сможет сделать женщину счастливой и оставить при этом свободной. Она утверждала, что мир устроен несправедливо и надо срочно что-то делать с этим – ну сколько можно, в конце концов?

Ее так мучили эти вопросы, что она изводила не только себя, но и бедную, мало что понимающую подругу. Для той вопросы полов были ясны и закрыты – раз и навсегда. Чего там мудрить? Надо выйти замуж, родить ребенка и просто жить! Как живут ее знакомые и родители – ходить на работу, варить обед, стирать белье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/zapah-antonovskih-yablok>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)